

Член-корр. РАН П.Ю. УВАРОВ

РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: ВЗГЛЯД ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Все термины, используемые для общеупотребительной периодизации, небезупречно, уязвимы для критики и случайны по своему происхождению. В особенности это относится к термину “раннее Новое время”, являющемуся калькой широко распространенных в западной исторической науке понятий: “Early modern history” – в англосаксонских странах, “Frühe Neuzeit” в Германии. Но и французский термин “Histoire moderne” также следует переводить на русский язык именно как “раннее Новое время”, поскольку период, начавшийся после революции 1789 г., называется “Histoire contemporaine” – современная (в значении “Новая и Новейшая”) история.

На каком критерии основана эта периодизация? Увы, ни на каком. Скорее – на обычной практике, которая к тому же постоянно меняется. И чем дальше от нас отодвигается во времени рассматриваемый период, тем больше воздвигается между нами промежуточных эпох. “Мы”, т.е. наблюдатели, когда-то располагались непосредственно после “Среднего века”, в “Новом веке”, “Новом режиме”. Так думали и гуманисты, и просветители, и историки-профессионалы XIX столетия. А потом возникло ощущение, что “Новая история” уже отошла вдаль, и в XX в. появилась еще и “Новейшая история” (Contemporary history, die Zeitgeschichte). XX в. подошел к концу, и уже некоторым кажется, что есть еще некая “самоновейшая” история. Раньше всего к этому пришли французы, возможно, потому что у них слишком уж рано начинался отсчет “современной истории”, там появляются курсы “Histoire des temps presents”, включающие в себя историю последних 50 лет, создан одноименный научный институт.

Но вообще следует отметить, что для западной историографии характерны размытые границы между периодами. Ведь там нет министерских программ, ГОСТов по истории, нет вузовских учебников по истории, да и от чтения общих курсов там почти повсеместно отказались.

В СССР, как известно, с середины 30-х годов XX в. была принята иная периодизация, базирующаяся на понятных критериях смены общественно-экономических формаций, где границей периода Средних веков (соответствовавшего “феодальной формации”) объявлялась “Английская буржуазная революция” середины XVII в.¹ Этой схеме трудно было отказать в логике, хотя она встречала непонимание на Западе, а то и вызывала улыбку.

Задача возвращения к общепринятой европейской периодизации была провозглашена во время московских дискуссий 1992 г. Собственно говоря, “дискуссиями” их назвать трудно, потому, что аргументов “за” было в избытке, а аргументов “против” не приводилось.

Однако при желании их можно было бы найти немало. Прежде всего выяснилось, что не так-то просто отказаться от теории формаций. К тому же, апелляция к “национальной традиции” могла стать сильным доводом, ведь несколько поколений наших соотечественников были воспитаны на советской периодизации. И, наконец, от западных коллег часто приходится слышать жалобы на то, что “модернисты” ничего не знают о средневековой истории, поскольку внутридисциплинарные барьеры зачастую играют роль шора на глазах исследователей. Смещение границы Средневековья могло бы считать-

Уваров Павел Юрьевич – член-корреспондент РАН, руководитель отдела истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН.

¹ См. прекрасную публикацию документов по этому вопросу: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Историю – в школу: создание первых советских учебников. М., 2008.

ся козырем наших историков. Необходимость рассматривать историю XIII–XVIII вв. в единстве или возможность применения термина “долгое Средневековье”, т.е. то, что Ф. Броделю, И. Валлерстайну или Ж. Ле Гоффу приходилось с трудом доказывать своим коллегам, казалось нам самоочевидным.

Но эти возможности не были реализованы, и сейчас в нашей историографии возвращение Средневековью отнятых у него веков вряд ли возможно. Хуже то, что, несмотря на все разговоры о необходимости выделения в отдельный период “раннего Нового времени”, вузовские программы, разрабатываемые министерством, четко зафиксировали ту истину, что на рубеже XV и XVI вв. период Средневековья сменяется Новой историей.

Произошла любопытная вещь. На Западе границы периодов имели тенденцию “сдвигаться вперед”, подчеркивая дистанцию между “нами” и прошлыми периодами. Период со второй половины XV по XVIII вв. объявляется особым периодом, отличным от того, что будет позже, а термин “долгое Средневековье”, предложенный Ле Гоффом, еще более усиливает эту разницу. Да и время с XIX до середины или второй половины XX вв. также многие сейчас склонны считать особым периодом, качественно отличным от “нашего” времени. В российской же историографии, напротив, граница периодов оказалась сдвинутой назад: Новое время безоговорочно наступило с XVI столетия. А если учесть, что у нас Новая и Новейшая история всегда были объединены на одной кафедре, то выходило, что качественная разница между постсредневековым и самоновейшим периодом делалась как бы менее значительной. Парадокс состоял в том, что это всё проводилось под лозунгом “сделаем, как на Западе!” Как бы то ни было, но и через двадцать лет после памятных дискуссий вопрос о раннем Новом времени остается в нашей историографии открытым.

Наша наука в те годы развивалась весьма бурно². Много делалось для изучения сугубо конкретных вопросов, на которые недостаточно обращали внимание в предыдущий период. С энтузиазмом велась борьба со всевозможными историографическими мифами и “конструктами” (в их число попали и феодализм, и абсолютизм, и буржуазный характер Французской революции, и то, что Английская революция была революцией, не говоря уже о Нидерландской). Возникали новые журналы, научные центры, научные семинары, осваивались новые методы и методологии, от микроистории и гендерных исследований до потестарной имагологии. Впрочем, и список потерь, понесенных нашей исторической наукой в этот период, мог бы обернуться пространым мартирологом. Среди прочего надо назвать почти полное исчезновение истории аграрной и вообще истории экономики и финансов, но главное – нежелание историков-эмпириков заниматься генерализациями, ненужными в их практических исследованиях, хотя и необходимыми как для преподавания, так и для диалога со специалистами смежных дисциплин.

Ситуация начала понемногу меняться в середине “нулевых годов”, одним из свидетелем этого был круглый стол, посвященный судьбе понятия “феодализм”³, а затем и ряд других попыток произвести инвентаризацию имеющихся на сегодня результатов работы над “большими понятиями”⁴. Стимулирующую роль сыграла и работа над новым изданием “Всемирной истории”, поневоле обязывающая авторов отвечать на глобальные вопросы, на которые еще не так давно наше сообщество отвечать явно не собиралось.

² См. анализ отечественной историографии этого периода в кн.: Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М., 2010.

³ Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола. Москва, 25 апреля 2005 г. М., 2008.

⁴ См., например: Читательская конференция журнала “Средние века”. День второй... “Что такое Средние века?” – Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени, вып. 70 (1–2). 2009, с. 45–97; Читательская конференция журнала “Средние века”. День третий: Раннее Новое время и теория модернизации. – Там же, с. 98–155.

Вдруг выяснилось, что “глобальные сюжеты” за последние годы с триумфом вернулись на страницы западных исторических журналов, заполнили программу XXI конгресса МКИН в Амстердаме. Даже французы, у которых была устойчивая репутация любителей “истории в осколках”, издали объемистую “Всемирную историю” (правда, охватывающую лишь XV в.⁵).

В нашей стране нишу, образовавшуюся после отказа от формационного подхода, заняла теория модернизации, о чем говорится в статье О.В. Кима. Присоединяясь к его выводам, я бы хотел лишь указать на некоторую подозрительность, с какой профессиональное сообщество историков к этой теории относится. Возможно, это происходило оттого, что историки имели дело лишь с классическими вариантами теории модернизации, в то время как в новых ее вариантах налицо отказ от линейных трактовок развития.

Взгляды на развитие истории сегодня можно уподобить взглядам на происхождение человека. Два десятилетия лет назад в ходу были схемы, на которых впереди “*homo habilis*” шествовал “*homo erectus*”, его сменял питекантроп, далее неандерталец шел за кроманьонцем, впереди которого помещался современный человек в галстуке и с портфелем в руках. Сегодня схема антропогенеза выглядит совсем иначе, на ней изображено множество “тупиковых” с эволюционной точки зрения видов гоминид, сосуществующих с предками современного человека, почему-то оказавшегося более удачливым, что дало ему возможность распространиться по планете, не то уничтожив, не то ассимилировав своих менее везучих соседей по генеалогическому древу⁶. Точно так же пять торжественно шествующих друг за другом формаций сменились сегодня куда более сложной картиной взлета и падения цивилизаций, тупиков, регресса и неожиданных прорывов. На этом фоне “европейское чудо”, приведшее к триумфу капитализма, выглядит уже не столь закономерно и предсказуемо, как раньше, походя скорее на исключение, чем на правило.

Отказ от линейного эволюционизма и от европоцентризма предполагает иной, гораздо более сложный путь исследования причинности. Раз мы не можем довольствоваться указанием на закономерную смену рабовладельческого строя феодальным, а феодального – капиталистическим, то приходится задумываться над тем, существовал ли тот или иной строй в масштабах всей ойкумены, осуществлялись ли на самом деле указанные переходы, а если они происходили, то в силу каких именно причин?

Поэтому Средневековье, которое сменяется Новым (или ранним Новым) временем требует особого внимания. Но уверены ли мы в качественном отличии Средневековья от предыдущего периода, если речь не идет только о западе Западной Европы? Многие востоковеды явно сомневаются в необходимости и возможности проведения такой грани, да и у медиэвистов очевидная привлекательность идеи континуитета побуждает некоторых авторов ставить под вопрос сам факт падения Римской империи.

И только обращение к истории всей мир-системы⁷ позволяет увидеть существенные отличия нового периода. Прежде всего – существование мировых религий или крупных религиозно-этических доктрин. Многие из подобных учений возникли задолго до новой эры, однако именно в рассматриваемый период они приобретают вид систем, играющих роль стовою хребта общества, обеспечивая цивилизационное единство больших регионов мир-системы. Реже обращали внимание на то, что границы средневекового периода совпадают с началом и концом существования феномена кочевых

⁵ Boucheron P. *dir.* Histoire du monde au XVe siècle. Paris, 2009.

⁶ Марков А.В. Происхождение и эволюция человека. Обзор достижений палеоантропологии, сравнительной генетики и эволюционной психологии. М., 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.evolbiol.ru/markov_anthropogenes.htm

⁷ Я использую термин в том значении, которое придавал ему А.Г. Франк, настаивавший на пяти тысячах лет существования взаимосвязанной цепи цивилизаций Старого света. См.: The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? Ed. Andre Gunder Frank & Barry K. Gills. London, 1993.

империй, оказавших огромное воздействие на историю мир-системы. Помимо воздействия прямого – и сметавшего некогда цветущие страны с лица земли, и осуществлявшего очередное смыкание цивилизаций (выполняя миссию “глобализаторов”), кочевые империи оказывали очень важное воздействие косвенное, бросая вызов своим оседлым соседям. Чтобы отстоять свое право на существование последние обречены были на создание и поддержание сильного государства, которое, в свою очередь, вызывало трансформации в странах, относительно удаленных от кочевников.

Наконец, благодаря графикам макроисториков, иллюстрирующим демографический рост народонаселения Земли, видно, что Средневековье в целом представляет собой период относительной “стагнации” по сравнению не только с периодом взлета времен индустриализации, но и с темпами роста, характерными для предыдущего периода I тысячелетия до н.э. И даже период раннего Нового времени выглядит на этих графиках временем весьма умеренного роста, несравнимого с последующим взлетом, и в этом отношении более близкого Средневековью. Это объясняется действием целого ряда факторов, о которых, я надеюсь, можно будет когда-нибудь прочитать во втором томе “Всемирной истории”⁸. Среди этих причин и особая эпидемиологическая ситуация, и особый демографический режим, но главное – довольно жесткая увязка демографического давления с естественным плодородием земли, что было характерно для аграрных обществ.

Но можем ли мы говорить о некоем типологическом единстве большинства оседлых обществ Средневековья? Когда-то у нас их называли феодальными, и лишь некоторые востоковеды отстаивали специфику “азиатского способа производства”. Сейчас судьба слова “феодализм” представляется неопределенной – феодализм либо называют исключительно западным явлением, либо вообще отказывают ему в эвристической ценности.

В свое время труды антрополога Э. Вульфа, пытавшегося указать на схожесть социального строя средневековой Европы с современными ему обществами, основанными на “данническом”, внеэкономическом принуждении, вызвали сенсацию⁹. Но для советских историков, воспитанных на тезисе об универсальности феодализма, это совсем не было откровением, да и сегодня наличие общих черт организации традиционных обществ не выглядит для нас чем-то удивительным¹⁰.

Действительно, везде индивидуальное крестьянское хозяйство с большей или меньшей ролью общины было основной производственной ячейкой, везде эксплуатация осуществлялась путем внеэкономического принуждения, везде власть, нераздельно связанная с собственностью, обеспечивала поступление ренты, так или иначе перераспределявшейся между различными группами элит. Значительная часть этой ренты шла на содержание воинов-профессионалов, как правило конных (ибо с военной точки зрения Средневековье было временем господства всадника над пехотинцем). Кроме того, средневековые общества были относительно гомогенными, что выразалось во взаимозависимости различных групп друг от друга, в отсутствии деления на граждан и неграждан. Такое стабильное общество сломать было трудно. Всё это позволяет востоковеду Л.Б. Алаеву говорить о единстве феодальных государств Запада и Востока, при всех возможных цивилизационных различиях¹¹.

Французский медиевист А. Герро десять лет назад выпустил книгу с критическим разбором национальной историографии, в которой одновременно, хотя и в форме наброска, дал обобщенную характеристику средневекового общества¹². Для понимания его сущности Герро использует понятия *Dominium* и *Ecclesia*. Первым термином он

⁸ Предварительные рассуждения см.: Читательская конференция журнала “Средние века”. День. второй. Что такое Средние века?

⁹ Wolf E.R. Europe and the People Without History. Berkeley, 1983.

¹⁰ Полудье: всемирно-историческое явление. М., 2009.

¹¹ Алаев Л.Б. Традиционная модель феодализма и “восточный феодализм”. – Феодализм: понятие и реалии, с. 239–244.

¹² Guereau A. L’avenir d’un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Age au XXIe siècle. Paris, 2001.

обозначает такую связь господства и подчинения, которая предполагает одновременную и власть над людьми, и власть над землей. Важно, что эти две стороны господства были неразрывно связаны друг с другом на локальном уровне, а не только на уровне страны. Второе ключевое понятие Средневековья – *Ecclesia*, т.е. Церковь не только как институт, но и как форма человеческого общежития, как “община верных”. Церковь была главной несущей конструкцией средневекового общества. И не только потому, что церковь выступала хранительницей знания, нормативных принципов и значительных материальных ресурсов, но и потому, что для каждого человека она давала практический ответ на вопрос о природе его связи с обществом. Любая социальная роль средневекового человека была прежде всего ролью в сообществе верующих.

Эта система дала трещину в эпоху Реформации (протестантской и католической), но окончательно она рухнула в XVIII в. Тогда же изменения, произошедшие к XVIII в. в некоторых странах Запада, превратили лордов и сеньоров в собственников, извлекающих прибыль путем экономического принуждения. И *Dominium*, и *Ecclesia* воспринимаются уже как досадное отклонение от естественного хода вещей, тогда-то и придумывают термин “феодализм”, как обозначение того “темного” прошлого, от которого надо отказаться навсегда.

А. Герро относил сказанное лишь к латинскому Средневековью, не ставя вопрос о том, насколько пара *Dominium–Ecclesia* может быть распространена на другие регионы. Наверное, *Ecclesia* при желании может быть успешно заменена на “умму”, а тезис о том, что институт *Dominium*, обозначающий власть/собственность, всегда эффективно функционировал именно на локальном (а не на государственном) уровне, может быть несколько смягчен. Тогда мы можем говорить об универсальной модели общества, характеризующей многие регионы средневековой мир-системы.

Но насколько органичным и предсказуемым был переход этого “мирового Средневековья” в иное состояние?

И здесь мы подходим к проблеме европейской исключительности. Если развить точку зрения Л.Б. Алаева, то Западная Европа оказалась своеобразным “слабым звеном в цепи мирового феодализма”¹³, ибо важнейшую роль в исторических судьбах Европы сыграло античное наследие в виде римского права и традиций городской жизни. Другой востоковед, Л.С. Васильев, называет восторжествовавший в итоге в Европе строй “антично-капиталистическим”. Впрочем, у этого, по видимости, парадоксального термина есть большая традиция – не о том ли писали великие французские историки периода романтизма – О. Тьерри и Ф. Гизо?

Представляется, однако, что интерпретация успехов европейского капитализма через “выстрел из прошлого”, если и справедлива, то лишь отчасти. Ни в коем случае нельзя недооценивать именно средневековой европейской специфики.

О причинах “европейского чуда” написаны сотни книг. Справедливо указывают на географические преимущества Западной Европы. Здесь и благоприятный климат, обусловленный Гольфстримом, и исключительная изрезанность береговых линий, подкрепленная выгодным расположением рек, благодаря чему из любой точки Европы водным путем быстро можно было добраться до удобных гаваней открытого моря (а морские перевозки грузов обходились в десять раз дешевле речных и в сотню раз дешевле сухопутных). Сама природа создала Европу максимально приспособленной для активной торговой экспансии, опирающейся на богатство внутренних зон. К тому же латинский Запад, единственный из регионов старых цивилизаций, сумел избежать соседства с кочевыми империями. Европейцы не нуждались в сверхмощном государстве, которое объединило бы весь регион для отпора страшному противнику. А когда появились вызовы со стороны новых держав, окрепших в постоянных контактах с кочевыми империями (Османская империя и Русское царство), потенциал Европы уже был таков, что она могла противостоять им без того, чтобы производить тотальную мобилизацию ресурсов.

¹³ Читательская конференция журнала “Средние века”. День второй: Что такое Средние века? С. 96.

Таким образом, Европа могла позволить себе “*роскошь феодализма*”. Это объясняло очень многое. После Тысячного года Европа была защищена и от постоянных набегов и от калейдоскопической смены государственных образований. Относительное равновесие поддерживалось без объединения всего латинского Христианского мира под властью одного монарха. Пришествия такого государя с нетерпением ждали лучшие умы Европы, среди которых был и Данте, но, к счастью, не дождался. Соперничество между правителями не давало проявиться столь естественному для всех традиционных обществ стремлению блокировать изменения. Ограничимся лишь одним примером, касающихся *тэппо* – японских ружей. Познакомившись с ними в 1543 г., японцы вскоре производили их больше, чем в любой европейской стране, причем лучшего качества. Между даймё развернулась самая настоящая гонка вооружений, в которой наиболее удачливым был Одо Набунага, первым применивший систему залпового огня. Но после того, как Япония была объединена под властью сёгуна Токугава, ношение огнестрельного оружия, столь ненавистного самураям, было запрещено, а его производство вскоре прекратилось. Европейское рыцарство относилось к этому изобретению не лучше самураев, но трудно себе представить, что в Европе какой-нибудь правитель мог бы безнаказанно отказаться от его применения.

Сын прославленного императора Чжу Дэ волевым решением прекратил морские экспедиции китайского “золотого флота”, чьи корабли *баочуани* по своим качествам многократно превосходили будущие каравеллы Колумба и Васко да Гама. Китай вообще неудобен для сторонников военно-технологического детерминизма в истории. Компас, порох, огнестрельное оружие, бумага, книгопечатание, куранты, реактивные снаряды, гидравлические двигатели, цепной и ременной приводы, мануфактурное производство – все эти и многие другие китайские изобретения не приводили к серьезным изменениям. Власть, правящая в Поднебесной по мандату неба, всегда находила возможности нейтрализовать нежелательные социальные последствия. Но в Европе такого центра, монополюльно обладавшего универсальной властью, не существовало, и некому было блокировать инновации.

Но не только крайне удачное стечение обстоятельств обеспечивало взлет Европы. Сама средневековая европейская цивилизация оказалась удивительно пластичной и способной динамично развиваться, вопреки изначальному взгляду на феодализм как на застойное общество. Даже если распространять смысловую пару, выделенную А. Герра на всю средневековую мир-систему, трудно не признать, что и *Dominium*, и *Ecclesia* в Европе обладали уникальными чертами. После Тысячного года католическая церковь начинает обретать свой специфический вид, не только сделавший невозможным развитие цезаропапизма¹⁴, укрепляя свое положение основной несущей конструкции средневекового общества, но и, выражаясь компьютерным языком, становясь “оболочкой” европейского феодализма. Причем на сей раз речь идет о феодализме в узком смысле слова.

Термин “феодалная революция” был введен в научный оборот почти полвека назад. При помощи этой метафоры описывалось стремительное изменение Христианского мира, начавшееся где-то около Тысячного года¹⁵. Политическая власть оказалась в руках собственников сеньорий, осуществлявших судебные, административные и военные функции. Европа стала покрываться замками (этот процесс П. Тубер назвал “*оамкованием*”-*incastellamento*), значительно трансформировался крестьянский мир – поселения приобрели вид знакомой нам средневековой деревни, сгруппированной вокруг церкви с кладбищем. Приход, объединявший живых и мертвых, часто совпадал с

¹⁴ Цезаропапизм, вполне ощутимый в политике не только владык Восточной Римской империи, но и Карла Великого с его преемниками, не исключает разговора о “папоцезаризме”, о притязаниях пап на политическое господство. С этим трудно спорить, однако для успешной реализации теократических амбиций недоставало главного – реально существующей империи, власть в которой после Тысячного года могло бы захватить папство.

¹⁵ *Бессмертный Ю.Л.* “Феодалная революция” X–XI веков? – Вопросы истории, 1984, № 1, с. 52–67.

крестьянской общиной, на которую накладывались рамки одной или нескольких сеньорий. Р. Фоссе дал этому процессу еще более экзотическое название *encellulement* – “объясчение”. Перенос власти-собственности (*dominium*) на локальный уровень вел к интенсификации крестьянского труда, однако феодалы, как правило, не вмешивались в сам производственный процесс, а тотальное господство над людьми и землей уравновешивалось ролью общины и прихода как главной ячейки социальной жизни. Более крупные политические структуры – монархии и империя – существовали лишь в виде наброска, скорее отсылая к некоей идее государственной власти, чем осуществляя эффективный контроль над властью сеньоров. На первых порах локальные конфликты без помощи монархов улаживались на местном уровне (движение “Божьего мира”, взаимные присяги), и лишь постепенно королевская власть будет усиливать давление на сеньориальную систему, которая, однако, просуществует как минимум семь веков.

Концепция “феодалной революции” или “феодалной мутации” подвергалась интенсивной и порой вполне заслуженной критике. Однако невозможно отрицать того, что на рубеже I и II тысячелетия западное общество обретает уникальные черты, придавшие ему редкостный динамизм. Сеньориальная система оказалась удивительно эффективной. По сравнению с другими регионами средневековой мир-системы “надстройка” обходилась европейскому феодальному “базису” на порядок дешевле.

Сочетание эффективного господства на местном уровне с самоорганизацией непосредственных производителей, не отделенных от средств производства, было одним из многих творческих противоречий европейской феодальной системы, обеспечивавших временами впечатляющий демографический и экономический подъем. Но дело не сводилось лишь к совокупности локальных сеньорий. Главной интегрирующей силой феодальной Европы была *Ecclesia*, и лишь постепенно эту роль будут брать на себя крепнущие структуры королевской или княжеской власти, обраставшие чиновничьим аппаратом, который, впрочем, изначально почти полностью состоял из тех же клириков. Именно Церковь обеспечила успешное сочетание сильной местной власти с единством всего “христианского тела”, закрепляя культурное единство окормляемого ею пространства. Таинство евхаристии обеспечивало на символическом уровне причастность каждого средневекового человека к единому *корпусу*. Это придавало и сельскому приходу, и городской коммуне, и королевству, и самой “общине верных” всего Христианского мира вполне определенную конечную цель существования – коллективное спасение души в ожидании Дня гнева Господня. И вместе с тем церковь демонстрировала явные универсалистские стремления, организуя “паломничества” – Крестовые походы, христианизацию народов Балтии, Реконкиту, а после освоения Атлантики – обращение в христианство неведомых народов – сперва гуанчей с Канар, а затем и американских индейцев.

О творческих противоречиях средневековой цивилизации, помимо прочего прекрасно читаемых в произведениях средневекового искусства, можно говорить очень долго. Но какое это имеет отношение к модернизации, и не грозят ли такие рассуждения очередным погружением в историю ментальностей в ущерб “твердым” макродинамическим показателям?

На мой взгляд, всё оказывается взаимосвязанным. Приведу лишь один пример. Многие средневековые общества были подвержены не только кризисам, вызванным действием мальтузианских циклов относительного перенаселения, но страдали, в первую очередь, от “перепроизводства элит”, что всегда было чревато внутренними усобицами. Но в средневековой Европе значительную часть господствующего класса составляли клирики, на которых распространялся обет безбрачия. Среди светской знати господствовала формальная моногамия – бастарды не могли претендовать на долю наследства. Во многих областях Европы действовал либо майорат, либо – в смягченном виде – приоритет старшего наследника при разделе имущества. Европейская средневековая элита, при всей видимой пышности дворянской жизни, в целом обходилась обществу дешевле элиты восточной. Кроме того, акцентируемая средневековым христианством практика духовного родства, не менее важного, чем родство кровное, вносила существенные изменения в конфигурацию семейных связей на Западе. Ценностные

установки, правовые традиции и цивилизационные особенности оказываются весьма существенными для макродинамических показателей.

Не умножая числа подобных примеров, отмечу главное. В силу особой пластичности средневековой западной цивилизации, порождаемой, в том числе, и особым способом мышления, способом связывать между собой противоречия, феодальная Европа обладала удивительным динамизмом. Институты, в которых традиционно видели элементы отрицания феодального мира (города, римское право, университеты, светский бюрократический аппарат, парламенты и проч.) были не “гостями из будущего”, не реликтами античного мира и не какими-то “несистемными элементами”, но органичным порождением своей эпохи, возникая не вопреки, а благодаря феодализму. Города типично средневекового типа¹⁶, на отличие которых от городов всего остального мира в свое время указывал М. Вебер, возникают параллельно с “объячеиванием”, “озамкованием”, григорианской реформой и “феодальной революцией”. В городах, помимо прочего, складывается уникальная социальная среда средневековых интеллектуалов, способных мыслить особым образом. Именно им удается почти сразу же, на рубеже XI–XII вв., изобрести особый метод познания мира – *схоластику*. В силу особенностей средневекового мышления клирики-интеллектуалы соединяют то, что было несоединимо в Античности: римское право и аристотелевскую логику. В результате глоссаторы возводят практически новое здание гражданского права и уже через поколение создают совсем новое право – каноническое. Правовая система незаметно, но достаточно быстро начинает преобразовывать окружающий мир, укрепляя особое средневековое правосознание, составной частью которого стали гарантии собственности, что позволило аккумулировать солидные капиталы на протяжении нескольких поколений, без чего никакое развитие капитализма не было бы возможным.

Воздействие внешних факторов, конечно, никоим образом нельзя игнорировать. Напомним еще раз, что “*роскошь феодализма*” Западная Европа могла себе позволить, лишь оказавшись достаточно надежно прикрытой от гостей из Великой степи как естественными преградами, так и стойкостью народов Восточной Европы. Когда турки, крушившие остатки Византии, начали осознаваться в качестве угрозы всему Христианскому миру, то османскую экспансию на несколько десятилетий надолго приостановил удар, нанесенный Тамерланом. Но внешние факторы могли воздействовать и не столь благоприятным образом. “*Второе смыкание цивилизаций*”, осуществленное к рубежу XIII–XIV вв. (став результатом “*пах mongolica*”), вновь привело к пандемиям. Пришедшая из Великой степи “Черная смерть” опустошает Европу вскоре после начала фазы перенаселения, за которой, как и во всяком традиционном аграрном обществе, неминуемо должна была следовать стагнация и фаза “*демографического сжатия*”. Демографические проблемы в сочетании с развитием товарных отношений ставят всю сеньориальную систему перед серьезными вызовами, червячками конфликтами – как между фракциями феодальных элит, так и между основными группами средневекового общества. Попытки усилить личную зависимость крестьян, подчинить себе рыночные механизмы и города, усилить контроль над крепнущим государственным аппаратом, использовать войну как источник дохода наталкивались на мощное противодействие населения, заставляя элиты корректировать свою политику. Устойчивость средневекового общества, надежность и одновременно пластичность его социальных институтов и интеллектуальной оснатики привели к тому, что Запад, пройдя сквозь крестьянские и городские восстания, затяжные войны и феодальные мятежи, сумел самостоятельно найти выход из кризиса и начал свою впечатляющую внешнюю экспансию¹⁷.

¹⁶ В нашей литературе освещению именно такой роли города был посвящен четырехтомник: Город в средневековой европейской цивилизации, т. 1–4. Под ред. А.А. Сванидзе. М., 1999–2000.

¹⁷ См. только что переведенную на русский язык работу американского исторического социолога: *Лакман Р.* Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010. Ее выводы удивительным образом перекликаются с работами советских историков. См., в частности: *Чистозвонов А.Н.* Европейский крестьянин в борьбе за землю и волю (XIV–XV вв.). – Средние века, вып. 39. 1975, с. 6–24.

Рассказ о всех инновациях, порожденных динамикой европейского Средневековья, о том, как то или иное явление средневековой жизни, развиваясь на собственной основе, видоизменяется, вызывая трансформации окружающей среды, может занять не один том. Остановлюсь лишь на одной из таких трансформаций.

Всем известен тезис о корпоративизме европейского феодального общества. Но корпоративизм этот был отнюдь не в равной мере свойствен всему периоду, явно усиливаясь к концу Средневековья. Пресловутый индивидуализм Ренессанса вовсе не мешал укреплению духа коммунитаризма. Чем больше возникало разнообразных вызовов, тем большим было стремление к ответной сплоченности. Именно период XV–XVI вв. становится золотым веком религиозных братств, число реликвий множится почти в геометрической прогрессии. Но в этот же период начинаются ранее неведомые гонения на мавров, иудеев и “новых христиан” на Пиренеях и “охота на ведьм” в остальной Европе – реальные или вымышленные “иные” были теперь нетерпимы в недрах “общин верных”. В одном ряду с этими гонениями – недопущение в ряды корпораций незаконнорожденных, публичные наказания сквернословов, “*сожжения сует*” в итальянских и французских городах, попытки избавить родной город от всякой “нечистоты”, от всего, что мешало городской общине быть подлинным образом Града Божьего, оплотом спасения. Отсюда же и возросшая требовательность мирян к людям церкви, чьи недостатки, ранее казавшиеся вполне терпимыми, теперь с негодованием осуждались. Реформация (точнее сказать – реформации) была одновременно и логическим продолжением этих тенденций, и реакцией на их крайности. Очищение и восстановление веры (*re-formatio*) требовалось для того, чтобы спасти единое тело общины верных. Таким образом, идея *Ecclesia* не просто была всё еще сильна в начале XVI столетия, она была сильна как никогда. Стремление поддержать единство мира перед угрозой новых многочисленных вызовов и привело как к Реформации, так и борьбе с ней. Где-то одержали верх реформаторы, где-то их противники, но были области, в которых ни одна из сторон не победила окончательно – настолько, чтобы добиться полного конфессионального единства. Итогом стал вынужденный компромисс, временная толерантность, понимаемая как зло, но зло меньшее, чем полный распад общества и взаимоуничтожение. Это произошло при Елизавете Тюдор и Якове Стюарте в Англии, при Генрихе IV во Франции, в Республике соединенных провинций – северных Нидерландах. В конечном счете, произошло это и в Германии. Но в результате картина социального мира лишилась своего стовола хребта – представления о Церкви как о единственно возможной форме объединения людей. Политика стремительно отделилась от религии, становившейся во всё большей степени внутренним делом верующего (что в немецкой историографии называется “*процессом конфессионализации*”). Причастие уже не могло играть роль единственного объединителя людей. Осознание этого обернулось интенсивным поиском социальных сущностей и социальных символов, образующих единение людей. Шок декорпоративизации способствовал рождению абстрактного социального мышления. Французские юристы (Ш. Луазо, А. де Лаваль, А. де Луазель) предложили новые объяснения общественного устройства. Доктрина абсолютизма, заявившая о себе в самом начале Религиозных войн, но в наиболее законченном виде сформулированная в эпоху Ришелье, была одним из самых простых решений проблемы новых “общих знаменателей” политического сообщества, что не остановило напряженных поисков в этом направлении, предпринятых Г. Гроцием, Т. Гоббсом, С. Пуффендорфом.

Новый шаг в развитии абстрактного мышления, качественно иной принцип упорядочения явлений сопровождается массой зримых изменений, самым ярким из которых является научная революция, равно как и “изобретение” самого института науки, “*военная революция*”, революция в образовании, равно как масса других радикальных изменений, одно перечисление которых займет несколько страниц¹⁸. Я не настаиваю

¹⁸ Важность рубежа XVI–XVII вв. дала возможность сделать его одной из границ Нового времени. См.: История Нового времени: 1600–1799 годы: учебное пособие. Под ред. А.В. Чудинова, П.Ю. Уварова, Д.Ю. Бовыкина. 2-е изд. М., 2009.

на том, что именно распад конфессионального единства стал главной причиной инновационного прорыва, хотя отрицать его исключительную важность было бы странно. Представляется важным показать средневековый фундамент, средневековую логику этой цепочки превращений, вызывающих существенные изменения во многих областях социальной жизни. И таких “мутационных цепочек” историк может проследить множество. Например, всё, что связано с книгопечатанием и производством книг¹⁹, с развитием финансов и эволюцией понятия “государственный долг”, с мореплаванием и военным делом, или с развитием бюрократии... В период подобных мутаций старые формы не отмирали сразу, но продолжали еще долго сосуществовать с новыми явлениями, порой наполняясь радикально новым содержанием. Так, деятельность “Общества Иисуса Христа” обернулась не только обновлением монашества и миссионерства, но и рядом принципиальных инноваций в образовании – не следует забывать, что Декарт и Вольтер были выпускниками иезуитских коллегий.

Итак, подчеркнем главное: именно удивительная пластичность европейского феодализма, средневекового западного христианства придали обществу ту динамику, которая в конце концов приведет к торжеству капитализма. Конечно, в итоге феодальная логика уступит свое место капиталистической, принципиально ей противоположной (в этом просветители не ошибались). Но элементы, приведшие к утверждению капитализма, развивались в недрах европейского средневекового общества не вопреки феодализму, а благодаря его собственной динамике, поэтому именно в феодальной системе следует искать причины исторической исключительности Европы, накануне того момента, когда она начнет осваивать к своей выгоде весь мир.

Чтобы не обозначать раннее Новое время в Европе как “переходный период” (раз невозможно найти период, который бы никуда не переходил), можно назвать его периодом, когда развитие тенденции средневекового происхождения начало приводить к радикальному изменению базовых структур феодального общества. Но поначалу разрыв со средневековой традицией не осознавался. М. М. Кром ставит под вопрос правомерность словосочетания “реформы Ивана Грозного”, поскольку Иван IV явно пытался восстановить старину, а не вводить новые порядки²⁰. “Старины не рухают, новины не строим”, – говорили правители и в соседнем Великом княжестве Литовском, как раз в то время сливавшемся с Польшей в единое государство. Но и в землях, что лежали далее к Западу, ни один из монархов не признался бы в том, что творит нечто новое, даже если невиданная ранее ситуация заставляла принимать неординарные решения, подобно тому, как это произошло с Елизаветой Тюдор, уже самой процедурой коронации (не вполне католической, но и не вполне протестантской) поставленной в немыслимые доселе условия.

Ситуация понемногу начинает меняться в самом конце XVI в. Не случайно популярность обретет сочинение Ж. Бодена, в котором он свяжет понятие суверенитета с правом монарха творить *новые* законы (а не только законы “возрождать” хорошие, но давно забытые). К принципиально новой ситуации в 1598 г. привело издание Нантского эдикта и подписание Вервенского мира. Впрочем, оба документа понимались современниками как вынужденная фиксация временного состояния. Но Вестфальский мир 1648 г. закреплял систему, даже современниками понимаемую именно как новую, призванную снять возможность религиозных войн. На этом основании, кстати, старая “советская” граница, отделявшая Средневековье от Нового времени вполне могла бы быть восстановлена. Но при желании границей можно считать рубеж XVII–XVIII вв. Такова, например, хронологическая граница, избранная редакторами третьего тома нашей

¹⁹ См., например: *Дмитриева О.В.* О периодизации, модернизации и книжном тиснении. – Средние века, вып. 70 (1–2). М., 2009, с. 122–129; *Уваров П.Ю.* На “поляне” раннего Нового времени. – Там же, с. 129–138.

²⁰ *Кром М.М.* К пониманию московской “политики” XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии. – Одиссей. Человек в истории. 2005. М., 2005, с. 283–303.

“Всемирной истории”. Следующий том – “Век Просвещения” посвящен уже исключительно XVIII столетию. Весь вопрос в том, когда именно утверждение идеологии Просвещения стало свершившимся фактом в Западной Европе. Разрыв “горизонта ожиданий” с “полем опыта” (*Envarungshorizont* и *Erfahrungsbereich*, согласно определению Р. Козеллека²¹), оказался роковым для средневековой системы *Ecclesia – Dominium*. С первой частью пары разделался Вольтер, призывая “раздавить гадину”, а второй – английские политэкономы, решительно отделившие собственность от власти. Еще через несколько лет осознавшая свою новизну эпоха придумает своему “вчера” имя “феодализм”. Раннее Новое время уже определено закончилось на западе Европы.

Какова была роль революций в период раннего Нового времени? Я согласен с мнением О.В. Кима, что выделение данного периода в большей степени привлекает тех, кто склонен говорить об эволюционном, а не о революционном пути Перехода. Возможно, именно поэтому столь странным был ход нашего “круглого стола” по так называемым “ранним революциям”. Единственная из них, чье существование не вызвало сомнений, была революция Французская (хотя ее “буржуазный” характер был поставлен под вопрос). Поэтому, кстати, 1789 г. является еще одним рубежом, которым можно датировать окончание раннего Нового времени, ведь, как заметил проницательный Э. Бёрк, это был первый в истории случай, когда революционеры сознательно пытались прервать историческую традицию и утвердить что-то неслыханно новое. Конечно, и повстанцы в американских колониях, и британские противники Карла I, и нидерландские гёзы отстаивали свое понимание традиционных прав и вовсе не хотели утверждения нового строя. Однако в результате их действий возникло нечто действительно новое, и странно было бы отрицать качественный разрыв с предыдущим периодом, даже если национальные историографии не склонны именовать эти события своей истории “революциями”. Борьба с “ранними революциями” в российской историографии напоминает мне борьбу с “феодализмом”. Вместо того чтобы работать над этими понятиями с учетом достижений когнитивных наук, идут по пути наименьшего сопротивления. Из советских учебников берутся истматовские определения, затем к ним прикладываются современные знания, которые, как и следовало ожидать, в эти схемы не укладываются. Затем “понятия, не соответствующие реалиям” объявляются ликвидированными, без того, чтобы предложить какое-нибудь свое альтернативное объяснение. Такая ситуация доказывает лишь необходимость экстренного обновления понятийного аппарата и организации обширной программы исследований и проведения конференций, посвященных “революциям”.

Выступления, звучавшие на нашей конференции, показали, что и вне западноевропейского контекста период раннего Нового времени, во всяком случае, его начало (вторая половина XV – первая половина XVI вв.), как правило, совпадает с началом некоего нового периода в истории большинства регионов. Но было ли это вызвано импульсами, идущими с Запада? Для американского континента это вполне очевидно. Для Африки южнее Сахары начало европейского влияния также не вызывает сомнений. Появление португальцев, а затем и голландцев в Индийском океане оказало весьма ощутимое влияние на Молуккские острова и близлежащие территории. Проникновение европейского огнестрельного оружия и португальских миссионеров в Японию привело к существенным изменениям, к перемене в расстановке сил, а установление режима сёгуната означало разрыв с прежней традицией. Конечно же, в истории Турции середина, а в истории Великого княжества Московского конец XV в. станет началом нового, весьма успешного периода. Но были ли изменения в жизни этих стран изначально вызваны именно воздействием Запада? Вряд ли, хотя с течением времени роль влияния европейской экономики будет ощущаться всё сильнее. Становление новых держав, принципиально обновивших свою конфессиональную оснастку, – Сефевидского Ирана и Индии

²¹ *Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlichen Zeiten. Frankfurt am Main, 1979.*

времен Великих Моголов, положили начало новой эпохе, однако прямое влияние на это европейского фактора еще более сомнительно. В Китае новые времена наступают лишь в XVII в. и связаны с маньчжурским периодом. Но и здесь при достаточно интенсивных контактах с европейцами говорить о вызванных ими существенных внутренних изменениях не приходится. Индия, Китай, да и Иран были слишком богатыми цивилизациями, и торговля с Европой при растущих объемах долгое время еще будет оставаться своеобразным “булавочным уколом”, эффект от которого пока не мог нарушить цикл внутреннего развития.

Тем не менее трудно не заметить, что вся мир-система в начале Нового времени переживает серьезные изменения. Одним из важных факторов здесь оказалось распространение огнестрельного оружия, но вовсе не обязательно успехи “пороховых империй” объяснялись западным влиянием. Корейские “катюши” – установки *хвачча*, успешно применявшиеся против чжурчжэней, были заимствованы в свое время из арсенала изобретений империи Сун и ни в коей мере не были связаны с европейской инженерной мыслью.

Исчезновение кочевых империй, а вскоре и самой угрозы кочевых вторжений станет важным признаком новой эпохи. Маньчжурское завоевание Китая будет последним успехом Степи. Но Маньчжурская династия без всякой европейской помощи нанесет решающий удар кочевому миру, сделав заодно абсолютно ненужной Великую китайскую стену.

Если рассматривать начало раннего Нового времени в мировом масштабе, то, как и в Европе, в XV–XVII вв., мы можем констатировать достаточно интенсивное развитие целого ряда цивилизаций, происходившее на собственной основе. Ростки нового могли появиться здесь еще до начала европейского проникновения. Востокеды спорят о том, каковы были шансы у японского или османского обществ того времени самостоятельно выйти на путь динамического развития, трансформируя свою собственную социальную систему. Однако по окончании эпохи, с наступлением XIX в., все эти перспективы и потенции уже отошли в разряд объектов для исторической ретроальтернативистики, истории в сослагательном наклонении.

Подведем итоги. Очевидно, что термин “раннее Новое время” для того и придуман, чтобы показать отличие этого периода от “настоящего” Нового времени, “зрелой современности”. Этот термин применим к мировой истории, но, в первую очередь, относится к истории Запада. Западная Европа, в силу некоторых исключительных обстоятельств, как внешнего, так и внутреннего порядка, оказалась способной к динамическому развитию на собственной основе, развивая и доводя до максимума движущие противоречия феодальной системы (или, если угодно – средневековой цивилизации). В результате общество вступает в период трансформаций, чреватых непредсказуемыми последствиями. Ясно, что субъективно наступление новой эпохи не осознавалось современниками, да и объективно рамки средневековых социальных структур до поры до времени выдерживали инновационный натиск. Однако в конце концов наступает время, когда накопленные изменения переходили в новое качество. Современники, во всяком случае, наиболее прозорливые из них, осознают происшедший разрыв и начинают воспринимать прошедшую эпоху как нечто чуждое. Новые формы собственности и производства, изменение структур повседневности и политических реалий суть внешние проявления новых времен или Нового времени.

Как следует изучать раннее Новое время: в курсе Средних веков, в курсе Новой истории или в виде специального предмета – не берусь сказать. Российские университеты по-разному решают эту проблему. Но в любом случае, надо сделать так, чтобы специфика этой эпохи, ее связь с предшествующей традицией и с мировой конъюнктурой того времени, ее удивительное богатство и сложность были закреплены в сознании будущих историков. Это особенно важно в нашей стране, которой всегда приходится платить слишком дорогую цену за преобразования, проводимые людьми, уверенными в том, что модернизацию можно начать “с чистого листа”.